

Василий Брусянин

Дым отечества

Василий Васильевич Брусянин
Дым отечества
Серия «Дом на костях»

Аннотация

«Их было пятеро, и все они в продолжение нескольких лет бесменно занимались в обширной угловой комнате большого трёхэтажного дома, где помещалась казённая палата.

Два окна угловой комнаты выходили в казённый сад, где росли высокие и толстые берёзы и липы, а остальные окна, счётом три, обращены были на улицу, с пыльной мостовой, выложенной булыжником, с низенькими столбиками вдоль тротуаров и с невысоким забором больничного сада напротив. Из-за забора виднелись зелёные верхушки молодых, недавно посаженных берёзок...»

Содержание

I	4
II	9
III	16
IV	21
V	27
VI	31

Василий Брусянин

Дым отечества

I

Их было пятеро, и все они в продолжение нескольких лет бессменно занимались в обширной угловой комнате большого трёхэтажного дома, где помещалась казённая палата.

Два окна угловой комнаты выходили в казённый сад, где росли высокие и толстые берёзы и липы, а остальные окна, счётом три, обращены были на улицу, с пыльной мостовой, выложенной булыжником, с низенькими столбиками вдоль тротуаров и с невысоким забором больничного сада напротив. Из-за забора виднелись зелёные верхушки молодых, недавно посаженных берёзок.

Весною и летом деревья казённого сада стояли зелёными, и когда раскрывались окна, обширная комната насыщалась запахом липового цвета; осенью, когда шёл дождь, или дул ветер, поблёкшие и пожелтевшие листочки берёз и лип трепетали, отяжелевшие от влаги, ветви склонялись к земле и с какой-то непонятной печалью заглядывали в окна присутственного места. А когда нагрянут суровые морозы зимы, липы и берёзы сокрушённо покачивают верхушками и оголёнными ветками осторожно постукивают в стёкла окон.

В продолжение каждого года сад несколько раз менял свою физиономию, а в обширной угловой комнате жизнь тянулась однообразно, скучно, вяло...

В комнате, где занимались все они пятеро с девяти до трёх днём и с семи до десяти часов вечером, стояли большие столы, прикрытые клеёнкой, возле столов – венские стулья; около стен размещались большие шкафы с масляными пятнами у замочных скважин, а у двери, при входе, стояла печь-голландка с громадным вентилятором почти у самого потолка.

Стены и потолок комнаты были оштукатурены, и, хотя их и подновляли каждое лето, всё же они выглядели изжелта-серыми. Посреди потолка был вылеплен из алебаstra узорный круг со ржавым крюком, но ни люстр, ни простых ламп никогда не вешали на этот крюк.

Пол также ежегодно подкрашивали, но месяца через два-три после ремонта под каждым из столов, в том месте, где целыми днями ёрзали ноги пишущих людей, появлялись белесоватые пятна царапин. К Рождеству пятна разрастались и ещё более белели, а летом маляры их снова закрашивали.

Все неодушевлённые предметы угловой комнаты – стулья, столы, шкафы и этажерки – были до режущего глаз однообразия похожи друг на друга. Чернильницы, стоявшие перед каждым из чиновников, красненькие вставочки, пресс-папье и карандаши имели также поразительное сходство друг с другом... И даже на одушевлённых предметах, на людях, сидящих за столами, лежал какой-то особый однообразный

отпечаток...

Были похожи одна на другую и большие книги, бланки и листы бумаги, которые исписывались, да, кажется, и смысл всех бумаг был один и тот же, что можно было судить по тому, что о содержании их никогда и никто из сидящих в угловой комнате не спорил, и только столоначальник иногда делал замечание подчинённым, если замечал отступление от принятого шаблона.

Бумаги в чинном спокойствии переписывались, группировались на столе столоначальника, который потом уносил их в соседнюю комнату и возвращался обратно с кипой новых бумаг, которые потом распределялись между подчинёнными и исполнялись.

Так совершалось изо дня в день, из года в год... Изменялся только внешний облик людей, сидевших в угловой комнате: все они старели, отдаляясь от счастливого разнообразием детства и приближаясь к роковому и неизбежному для всех концу. Последнее обстоятельство было самым трагическим в их жизни: если бы смерть спросила их, для чего они жили, они ничего не сумели бы ответить.

Были у некоторых из них семейные неприятности, и все они дружно обсуждали их, посильно поддерживая в пострадавшем падающий дух. О семейных радостях все они также дружно рассуждали, улыбались и жали друг другу руки.

Неприятности по службе завоевали какое-то право гражданства на угловую комнату: не проходило дня, чтобы на-

чаљство кого-нибудь не распекало. Неудовольствие начальства зарождалось обыкновенно в комнате его превосходительства и, переходя от высшего начальства к низшему, достигало до угловой комнаты в устрашающей степени.

Обыкновенно, столоначальник Николай Павлович Брызгин приносил это «угрожающее» в угловую комнату. Возвращаясь от начальника отделения красным от «распёка», он проходил к своему столу и начинал всегда одной и той же стереотипной фразой:

– Сколько раз, господа, говорил я вам – делайте, как приказывает начальство, а вы... хоть бы что!

При таком вступлении Брызгина его помощник Кудрявцев, лысый господин, женатый на сердитой вдове, опускал к столу голову и бледнел. Писец Флюгин, старичок, нюхающий табак, так же склонялся к столу и начинал усиленнее скрипеть пером, представляя себе весь ужас положения, если ему откажут, а у него пять человек детей...

Два других писца, молодые люди, ещё не обременённые семействами, относились к замечаниям столоначальника неодинаково: низенький и черноволосый Блузин, большой поклонник одеклона и цветных галстуков, бледнел и с испуганным выражением в глазах смотрел на пуговицу вицмундира начальника или на стёкла его очков, а длинный и поджарый Ватрушкин опускал голову и начинал кусать губы, чтобы не выразить открыто своего удовольствия, так как страшно радовался, когда начальство пробирало Брыз-

гина.

– Вот вы, Ватрушкин, не можете сделать копии без ошибки! – делал ему замечание столоначальник и делал это почти каждый день, так как Ватрушкин, обладавший красивым и быстрым почерком, считался незаменимым «копиистом».

По установленной самим его превосходительством дисциплине Ватрушкин поднимался со стула и выслушивал выговор стоя.

Столоначальник не любил его за бойкий язык и при каждом подходящем случае старался напомнить ему о дурном исполнении обязанностей. Иногда Брызгин принимался «пропекать» всех своих подчинённых по порядку старшинства – и тогда Ватрушкину как самому младшему почему-то доставалось всех больше.

II

Однажды в июле Брызгин неожиданно был вызван в кабинет к самому его превосходительству. Вошёл он в кабинет начальника весь дрожа и не зная, чем может кончиться этот вызов.

– Вот что, господин Брызгин, – начал его превосходительство. – Я давно думал об увеличении штата писцов. У меня есть знакомая... т. е. у моей знакомой дамы из хорошего семейства есть племянник, молодой человек... Так вот-с, он определяется писцом под ваше наблюдение... Я знаю, вы – старослужащий, знакомы с заведёнными мною порядками и, я уверен, сумеете подготовить из него хорошего чиновника... Распорядитесь там, чтобы у вас ему дали место!..

Его превосходительство сделал рукою соответствующее движение, и Брызгин, раскланявшись, удалился.

Когда он сообщил своим подчинённым о событии, изменяющем численный состав служащих в угловой комнате, чиновники вначале отнеслись к этому равнодушно, и только старичок Флюгин оробел, боясь всяких новых вторжений и с паническим ужасом видя в каждом новом служащем своего заместителя.

– А кто он? – почему-то с дрожью в голосе спросил Кудрявцев.

– Какой-то племянник знакомой дамы его превосходи-

тельства, г-на управляющего палатой.

– О-о!.. – воскликнули в один голос присутствующие и все разом сообразили, что этот «он» не что-нибудь, а родственник знакомой дамы самого его превосходительства...

– Почему же это его к нам? Ведь кажется, мы успеваем в работе? – с нескрываемой тревогой продолжал Кудрявцев.

– Бог знает, почему! – ответил Брызгин, втайне довольный, что управляющий палатой определил новичка именно к нему, доверяя его опыту.

В день известия о новом служащем писцы угловой комнаты особенно часто отлучались в «курилку» – и скоро все в палате знали, что «в стол» Брызгина определился новый писец, племянник знакомой дамы начальника.

– И что это, право, будет? – вздыхая, спрашивал Флюгин.

– Что будет, что будет? – передразнил его бойкий Ватрушкин. – Работы будет меньше на каждого из нас, вот и только!

– Оно так-то так... а только...

– Ну, что «только»?.. Увидим, – успокаивал Флюгина и Блузин.

Дня через два, часов в 10 утра, курьер палаты привёл в угловую комнату молодого человека лет 18.

Это был безусый брюнет, с коротко подстриженными волосами и розовыми одутловатыми щеками.

Острые тёмные глаза его почти всегда насмешливо улыбались, улыбка не сходила и с углов губ.

Держался он развязно, щеголяя новой визиткой и цвет-

ным жилетом.

– Николай Николаевич Черномордик! – отрекомендовался он, подходя к столу Брызгина. – Генерал Перлецкий просил меня представиться вам.

Тон голоса, каким произнёс Черномордик своё вступление, несколько обескуражил Брызгина, а особенно сильное впечатление произвело это «генерал Перлецкий», – никто из писцов так о начальнике не выражался.

– Очень приятно, пожалуйста, – называя себя, добавил Брызгин. – Вот извольте занять место здесь, рядом с господином Ватрушкиным... А вот Пётр Иваныч Кудрявцев расскажет вам, что надо делать.

Черномордик представился Кудрявцеву и немного смущённо посмотрел в сторону писцов, не зная, что делать: представляться им или же обойти эту необходимость? Наконец, он пожал руки и им.

– Вот вам чернильница и перо! – грубоватым баском проговорил Ватрушкин, тыкая пальцем в чернильницу.

Кудрявцев подошёл к новому писцу с какой-то бумагой и попросил его снять с неё копию.

Не говоря ни слова, Черномордик принялся писать, и канцелярская машина по-прежнему заработала.

Брызгин сидел недовольный.

Ему страшно не понравился новый подчинённый своей какой-то особенной развязностью, от чего чиновники давно уже отвыкли, а, главное, Черномордик был такой чистень-

кий, какими только и бывают племянники знакомых дам начальства.

Раздражал Брызгина и кончик белоснежного платка, торчащий из бокового кармана визитки нового писца. Он думал о том, как держать себя в отношениях к Черномордику, чтоб не нарушать установленной канцелярской дисциплины и, вместе с тем, угодить его превосходительству. Тот факт, что Черномордик – племянник знакомой дамы начальника, заставлял его задуматься. Он решил напустить на себя деловитость и серьёзность и, порывшись в бумагах, достал какую-то копию, сделанную Ватрушкиным, подозвал к себе недоумевающего писца и принялся пробирать его за какое-то опущение в почерке.

– Пожалуйста, исполняйте только те приказания, какие исходят от вашего непосредственного начальства, а не ссылайтесь на то, что делается у других столоначальников, – закончил Брызгин свой выговор и, довольный собою, вышел в комнату начальника отделения.

Усаживаясь за стол, Ватрушкин пробурчал что-то себе под нос и принялся писать.

– Какое строгое у вас начальство-то! – с усмешкой тихо заметил Черномордик.

– Оно теперь и ваше начальство, – зло ответил Ватрушкин.

Черномордик мельком посмотрел ему в лицо и улыбнулся.

Вернувшись от начальника отделения, Брызгин принялся распекать Кудрявцева, упрекая его за какие-то до сих пор не законченные ведомости.

Повернувшись кругом, чтобы пойти к своему столу, Брызгин пришёл в ужас: Черномордик сидел с дымящейся папиросой в руках.

Твёрдо помня, что его превосходительство под угрозой увольнения запрещает кому бы то ни было курить в присутственных комнатах, Брызгин безбоязненно заявил:

– А вот курить-то, молодой человек, у нас здесь запрещается самим его превосходительством... Для этого есть особая курительная комната.

– Ах, да?.. Pardon!.. Я не знал... Я выйду туда, – проговорил Черномордик и быстро вышел в коридор.

– Вот тебе... и «pardon», – сквозь зубы процедил Брызгин, когда дверь за Черномордиком захлопнулась.

В угловой комнате наступила тишина.

В первый день службы у Черномордика были ещё столкновения с Брызгиным.

Переписывая бумагу, Черномордик отложил в сторону перо и, не вставая с места, спросил Кудрявцева:

– Скажите, пожалуйста, Пётр Иваныч, как мне быть: здесь написано **понеже** через «с», а следует писать через «е». Как же мне быть? Оставить ошибку в копии или исправить?..

Пётр Иваныч ответил не сразу: ему не понравилось то обстоятельство, что Черномордик, обращаясь к нему, не встал.

– Я думаю – исправить, – наконец, сказал он.

Брызгин поднялся из-за стола с торжествующим лицом.

– Во-первых, молодой человек, – сказал он, – его превосходительство издавна установили, чтобы младшие чиновники вставали со своих мест, когда обращаются к старшим...

Черномордик немного смутился и покраснел, но потом быстро оправился и небрежно проговорил:

– Извольте-с!.. – и встал.

– А, во-вторых, – продолжает Брызгин, – исправить ошибку следует, хотя по правилам мы должны воспроизводить точную копию.

– Но ведь это не верно! – возразил Черномордик. – Кроме того, слово-то какое странное, никто теперь так не говорит и не пишет...

– Ну, а уж об этом мы рассуждать не можем! – сухим и деловым тоном возразил Брызгин.

– Бумага из...ской консистории, а там ещё выражаются по-славянски! – счёл своим долгом вставить Кудрявцев.

Ему не понравился тон замечания Брызгина; по его сообщению, это могло обидеть Черномордика, и он не знал, какого курса обращения надо держаться по отношению к племяннику знакомой дамы его превосходительства.

– Согласно распоряжению начальства и по смыслу духа мы должны воспроизводить точную копию бумаги, не входя в обсуждение ни её содержания, ни правильности её начертания, – счёл нужным внушить подчинённым столоначаль-

ник.

– Я понимаю, что значит копия, и не нуждаюсь в разъяснении этого слова, – вспылив, грубо проговорил Черномордик.

Брызгин нахмурил брови и промолчал.

В угловой комнате снова наступила жуткая тишина.

III

В продолжение нескольких дней Брызгиным были собраны точные сведения о Черномордике.

Весною его уволили из гимназии за «неблаговидное и даже за неблагонадёжное поведение».

Об успехах бывшего гимназиста учитель истории, с которым беседовал Брызгин, выразился так:

– Способный он, бестия, до ужаса! Да только странный какой-то. Сегодня, положим, вздумается ему ответить на пятёрку – смотришь – пятёрку схватил, а в другой раз отвечает не попад и только подсмеивается...

– Значит, вообще, человек неуживчивый? – спросил Брызгин.

– Невозможный юноша! А всё же мы с сожалением его уволили – способный он очень и хорошо развит... Но, ничего не сделаешь, по предписанию свыше... Донос там последовал какой-то!

– Верно, развит-то он не в меру?

– То-то вот и оно, что не в меру.

Справился Брызгин и относительно того, в каких родственных отношениях находится его превосходительство к той даме, которая приходится Черномордику тётушкой.

Как оказалось, супруга его превосходительства также урождённая Черномордик. Кроме того, его превосходитель-

ство частенько бывает в доме тётушки Николая Николаевича, и они в компании с другими целые ночи просиживают за винтом. Это неожиданное обстоятельство заставило Брызгина пожалеть о том, что в первый день появления Черномордика он не особенно вежливо обращался с ним.

Опасаясь, как бы чего-нибудь не вышло, Брызгин в продолжение нескольких дней был особенно ласков с новым писцом и старательно посвящал его в тайны канцелярской работы.

Такое отношение начальника благотворно повлияло и на подчинённого, и Черномордик работал ровно, исполнительно и ничего особенного себе не позволял. К работе он приспособился быстро, что нравилось столоначальнику, и, говоря с кем-либо о новом подчинённом, Брызгин повторял слова учителя гимназии и говорил:

– Черномордик... – это «способная бестия!»

Из товарищей по работе Черномордик ближе всех сошёлся с Ватрушкиным, высказывал приятные отношения к Флюгину и Блузину, а к Брызгину и Кудрявцеву относился так же как и к своим гимназическим учителям.

В среде товарищей он вышучивал их и даже поругивал, при встрече же в Кудрявцевым и Брызгиным старался быть с ними холодно вежливым и даже почтительным.

С появлением Черномордика в угловой комнате в среду обиженных и запуганных людей проникла новая струя жизни. Всегда угрюмые и молчаливые чиновники повеселели

и как будто сразу научились говорить.

Черномордик сумел завладеть их вниманием и подчинить их своей неуравновешенной, но жизнерадостной натуре.

Иногда он веселил их рассказами весёлых, а иногда и не особенно скромных анекдотов, хотя ему и самому была противна эта «житейская пошлость».

– Ну, ничего, хоть и неприлично! – оправдывался он. – Посмейтесь, господа, посмейтесь, а то вы совсем задохнётесь в канцелярской пыли.

Лысый Флюгин, отличавшийся благочестием и «правильным» поведением, сбрасывал с себя печать боязни и скуки и хохотал как мальчик.

Ему не нравились только слова Черномордика о канцелярской пыли.

– Что вы, Николай Николаич, никакой на нас пыли не на село...

Черномордик добродушно усмехался, а про себя думал: «Боже мой, какие жалкие люди!»

С появлением Черномордика в угловой комнате, в душную атмосферу чиновничьей жизни проникло и печатное слово.

Журналы и газеты выписывались кое-кем из чиновников, но никто из них не решался читать газеты в здании палаты, так как во всех присутственных местах города было известно, что губернатор – открытый враг печатного слова и не терпит в чиновниках увлечения гласностью.

– Главными должны быть только законы, циркуляры и предписания, – говорил он, – а все, вообще, сведения о жизни следует почерпать из «Правительственного вестника». Что начальство найдёт возможным опубликовать, то чиновнику и следует знать, а об остальном предписываю умалчивать...

Эти слова местного сатрапа были руководящими, и никто из чиновников не осмеливался иметь иного суждения.

– Наш губернатор боится гласности, потому что он – сынтмы, – горячо протестовал Черномордик, когда узнал мнение губернатора о гласности.

– Да не кричите вы, Николай Николаич, так громко! Кто-нибудь ещё подслушает, – останавливал его Флюгин.

– Доносчику первый кнут! – ещё громче кричал Черномордик.

Не обращая внимания «на косые взгляды» Брызгина, молодой писец продолжал носить в палату газеты и в свободное время пробегал их.

Вскоре с этим «незаконным» обстоятельством примирились все чиновники угловой комнаты и даже в тайне благодарили Черномордика, так как ежедневно получали даровые сведения о том, что творится на белом свете.

Прислушивался к сообщению новостей и Брызгин, никогда не читавший газет, и просил Черномордика только об одном, – чтобы он не выносил сора из избы и не рассказывал в других отделениях, что «в столе» Брызгина читаются газе-

ты.

– А ещё вот что, Николай Николаевич, не читали бы вы этой газеты-то, – говорил столоначальник, тыча пальцем в большой листок одной из петербургских газет. – Ведь, она, говорят, запрещённая...

– Позвольте, как же запрещённая, если её мне присылают по почте! – недоумевал Черномордик.

– То есть собственно, не запрещённая, а его превосходительство не любит этой газеты, – поправлялся Брызгин.

– Я это знаю... Генерал читает только черносотенные газеты! – отвечал Черномордик.

Брызгин морщился, отмахивался рукою, но когда Черномордик сообщал какие-нибудь газетные новости, он старательно вслушивался, о чём читалось.

IV

Наступила хмурая осень с дождливыми днями и тёмными ночами.

В угловой комнате уже давно были вставлены вторые рамы с позеленевшими стёклами, и свет осенних дней скупо проникал за эти стёкла.

Деревья сада окончательно оголились и теперь выглядели хмурыми и жалкими с остатками поблёкшей листвы.

Особенно печально выглядел сад в ненастные дни, когда с утра до вечера моросил непрерывавшийся дождь.

Осенняя пора видоизменяла и всю, вообще, жизнь города. Непролазная грязь улиц и площадей побуждала обывателя сидеть дома, и только самая острая необходимость заставляла людей появляться на улицах.

Все в городе знали, что за этими осенними днями наступят холода, река скуётся толстым льдом, пароходы перестанут оглашать свистками берега реки, и целый город с двадцатью тысячами населения будет отрезан от остального мира до весны.

Почта из ближайшей столицы будет приходить только на четвёртые сутки, перестанут приезжать в город странствующие труппы артистов, не заглянет до весны даже и цирковая труппа, и жизнь замрёт на четыре или пять месяцев.

С осени же начинались и вечерние занятия в палате. Чи-

новники за два месяца усиленной работы окончательно переутомлялись, желтели или бледнели и становились жёлчными.

Но начальство не замечало этих изменений в физиономиях подчинённых, да оно в сущности и знать не хотело, что каким-то там чиновникам скверно живётся.

С наступлением осени чиновники угловой комнаты принуждены были испытывать и ещё одно, выпавшее только на их долю, неудовольствие.

В силу каких-то технических ошибок громадная печь, выходящая в эту комнату, страшно дымила. У самого потолка в печи был вставлен большой вентилятор, и как бы плотно ни закрывали железные дверцы, всё же дым проходил и насыщал режущей глаза синевою обширную комнату.

Сослуживцы посмеивались над чиновниками угловой комнаты и шутя прозвали их «копчушками», но высшее начальство вначале отнеслось к «дымному обстоятельству» серьёзно и отпустило из специальных средств сверхсметное ассигнование на ремонт печи, но так из этой попытки ничего и не вышло, а «копчушки» даже уверяли, что после ремонта дым валит из вентилятора ещё гуще.

После этого было решено навсегда покончить с вентилятором: дьявольское изобретение было извлечено из печи, а образовавшаяся дыра была заделана кирпичами и замазана. Но после первых топок печи алебастр растрескивался, и в образовавшиеся щели снова просачивался дым и отрав-

для атмосферу угловой комнаты.

– Ну, уж это пустяки самые... это ничего... Ничего с этой проклятой печью не поделаешь! – говорил экзекутор палаты.

И с этого времени решено было, что с капризной печью ничего не поделаешь, а Флюгин дрожащим голосом говорил.

– Верно, уж Бог на нас разгневался, вот и послал нам испытание...

Скоро к «дымному обстоятельству» угловой комнаты все привыкли, приспособились к атмосфере угловой комнаты и чиновники.

Как-то раз, придя на вечерние занятия, Черномордик во всё горло закричал:

– Господа, печка дымит!.. Это чёрт знает, что такое!..

– Господин Черномордик, в присутственном месте в присутствии вот висящих на стене портретов так выражаться не полагается, – как автомат сухо заметил Брызгин.

– Но, ведь, печка дымит! Здесь нельзя заниматься! – продолжал Черномордик. – Что же начальство смотрит!..

– Э-эх, голубчик мой, Николай Николаевич, мы уже привыкли к этому, – стараясь смягчить характер объяснения подчинённого с начальником, прошепелявил беззубым ртом Флюгин.

– Вы, может быть, и привыкли, недаром же вас все в палате «копчушками» зовут, а я к этому не привык, привыкать не желаю, рыбообразным тоже быть желанья не имею! – заносчивым тоном продолжал Черномордик, проклиная ве-

черные занятия. – Вы, вон, привыкли за то же жалованье сидеть по вечерам, а я нахожу это несправедливой эксплуатацией!..

– Со стороны кого же, вы полагаете, это эксплуатация? – каким-то особенным тоном проговорил Брызгин, и в глазах его сверкнула злорадная улыбка.

За последнее время он имел немало поводов быть недовольным Черномордиком. Неудовольствие своё по адресу молодого человека высказал как-то и сам его превосходительство.

Черномордик, в свою очередь, сверкнул белками глаз и резко проговорил:

– Станный вопрос! А вы не знаете, кто вас эксплуатирует?.. Да начальство! Начальство нас эксплуатирует!..

При этих словах чиновники ниже опустили головы и усиленно заскрипели перьями.

– Как вы, господин Черномордик, изволили выразиться? – поднимаясь со стула, с раскрасневшимся лицом переспросил Брызгин. – Повторите-ка ещё раз, что вы сказали.

Он приблизился к столу, за которым сидел Черномордик.

– Я сказал, что начальство эксплуатирует служащих, заставляя их за то же жалованье сидеть ещё и по вечерам, – спокойно повторил Черномордик.

– Нет-с, позвольте! Вы выразились иначе, – наступал Брызгин.

– Да, что вам от меня надо? Что вы пристаёте?

– Во-первых, – не извольте со мною так говорить, я – ваш начальник, а, во-вторых, – повторите, что вы сказали. Вы непочтительно отозвались о правительстве.

– Ну, да! Я сказал, что начальство, т. е. правительство, эксплуатирует чиновников.

– Правительство? Правительство эксплуатирует?.. Вы так и изволите выражаться?..

– Ну, да...

– Ага! Хорошо!.. Так это и запишем...

С таинственным видом Брызгин занял своё место.

– Ничего непонятного в этих словах и нет, и я удивляюсь вашим придиркам, – не унимался Черномордик. – «Дым отечества вам сладок и приятен», а я не могу сидеть в дымной комнате.

– Как-с? Что вы сказали?..

– Я сказал, что, если вам дым отечества приятен и сладок, то я не могу сидеть в дымной комнате.

– Ах, вот как-с?.. Вы изволите сравнивать отечество, так сказать, правительство с дымом?! Вот как-с? Так это и запишем...

– Ну, уж отечество-то уж ни в каком случае не «так сказать, правительство». Правительство – это часть отечества. Отечество – весь народ, а правительство – только часть его. Поняли?.. Впрочем, я не удивляюсь, что вы плохо разбираетесь в этих терминах и отождествляете их...

– Конечно, где же мне знать, – притворно-унизительно

проговорил Брызгин, – я в седьмом классе гимназии не был.

– Уж не знаю, где вы были, но только не уясняете себе различия в двух несходных терминах...

– Ну, хорошо, хорошо-с! Извольте заниматься...

В этот вечер писцы угловой комнаты разошлись настроенными на особый лад. Каждый из них в душе радовался смелости Черномордика.

– Вот это так я понимаю – смелый человек этот Черномордик, – говорил Ватрушкин.

Блузин и Флюгин молчали, размышляя о том, когда же они будут такими как Черномордик.

V

Две жизни как два встречных ветра увлекали Черномордика, но он знал, во власть которой из них отдаст свою судьбу.

Вставая утром, он вспоминал о палате, куда надо было спешить, и говорил сам себе:

– Ну, «копчушка», полезай в короб, коль назвался рыбой!

Раздеваясь в вестибюле губернских присутственных мест, он задавался вопросом: «Чем бы мне сегодня досадить этому Брызгину? Разве притвориться человеком глупее его и разыграть пошлейшую сцену?..»

И он чем-нибудь сердил столоначальника.

По вечерам начиналась иная жизнь. Возвращаясь домой, Черномордик весело выкрикивал:

– Скоро я каждый вечер буду ставить свечу за упокой души милейшей тётушки! В такую помойную яму она меня всадила...

– Коля, перестань! – просила его мать. – Ну, а вдруг тётя Настя услышит твои шутки? Ей очень это не понравится!..

В домашней обстановке Черномордик не всегда отдыхал душевно. Собственно, ни с матерью, ни с братьями-юнкерами он не имел ничего общего, а подчас даже и тяготился их средой.

В городе, вот уже года три существовал кружок молодёжи,

к которому примыкал Черномордик, ещё будучи гимназистом, и с которым не порывал связи и в период своего «копчения», как выражался он в палате.

К кружку молодёжи примыкали гимназисты, гимназистки и даже епархиалки. Заметными членами кружка являлись бывшие студенты, волею судеб вынужденные прозябать за пределами университетского города.

Появлялись в кружке ещё и люди приезжие из группы «Безымянной Руси».

К этим людям кружок молодых людей относился как к учителям жизни, и с каждым их появлением союз молодых людей увеличивался численностью, креп и заводил связи на стороне.

Осенью памятного для России года, когда проснулось всё общество, кружок молодёжи явился в городе самым чувствительным аппаратом для восприятия новой жизни.

Освободительные лозунги из центров доносились на окраины и здесь попадали на благоприятную почву.

В период петиций и банкетов, в глухом городке так же писались петиции и так же как в других местах устраивались банкеты.

Телеграфные проволоки принесли весть о телеграфной забастовке, и первыми в городе забастовали почтово-телеграфные служащие, за ними потянулись приказчики и закрыли магазины.

Забастовали земские служащие, началось брожение сре-

ди учителей... Но их опередили забастовавшие гимназисты и гимназистки.

И Черномордик в числе других принимал самое горячее участие в общем движении.

Свою работу перенёс он и в палату, но на первых же шагах он разочаровался.

Из всего численного состава губернских присутственных мест навстречу предложению Черномордика пошли только три чиновника из университетских, один ветеринарный врач и несколько наборщиков из губернской типографии, а из угловой комнаты подходящим человеком Черномордик считал только одного Ватрушкина.

– Николай Николаевич, я давно видел несовершенство жизни, – говорил Ватрушкин Черномордику, – но только, что же я мог поделать?

– А надо бы вам было работать над самообразованием. Недурно бы было и примкнуть к какой-нибудь организации.

– В сельские учителя я хотел, да экзамен не выдержал, – печально говорил Ватрушкин.

– Давайте заниматься, я вас и в учителя подготовлю, – уверенным тоном говорил Черномордик, и Ватрушкин не сомневался в словах юного писца из бывших гимназистов.

Когда Черномордик рассказал Ватрушкину о пользе союза чиновников, последний патетически восклицал:

– Вот, вот!.. И я тоже давно думал об эксплуатации чиновников начальством, да только боялся говорить об этом...

А вы вон как смело говорили... Брызгин, этот дьявол порядочный. Доносчик он, обо всём доносит начальству.

Собственно, Ватрушкину хотелось рассказать Черномордику о том, что он знал, а он знал, что в течение двух последних недель Брызгин несколько раз побывал в кабинете его превосходительства, и последнему уже всё известно о Черномордике.

VI

Ватрушкин не ошибся: через два дня Черномордик был вызван в кабинет управляющего палатою.

Генерал принял родственника своей знакомой строго и сухо, стула ему не предложил и, нахмурившись, начал:

– Молодой человек! Я пригласил вас, чтобы сказать вам, что у меня здесь палата, присутственное место, а не что-то другое, где можно... можно непочтительно выражаться о правительстве, читать преступные газеты и сбивать чиновников на устройство каких-то там противозаконных сообществ и союзов...

Генерал произнёс всё это, как по заученному.

– Ваше превосходительство, – начал было Черномордик, и по губам его скользнула ироническая улыбка.

– Извольте молчать, когда говорит начальник! – грозно окрикнул Черномордика генерал. – До моего слуха дошло, что вы непочтительно отзываетесь о правительстве! Это в присутственном месте не допускается... да и вообще, нигде не допускаются такие речи, – поправился генерал. – За это господ социалистов отправляют в места отдалённые. Потрудитесь рассказать мне всё, что произошло.

Черномордик подробно рассказал историю столкновения с Брызгиным.

По мере его рассказа лицо генерала из тёмно-багрового

преображалось и делалось светлее.

Когда Черномордик кончил свою исповедь, генерал проговорил:

– Относительно слов «дым отечества» я ничего не буду говорить, в этих словах ничего нет предосудительного. Это – поэтическая вольность поэта, и, конечно, Брызгин может этого и не знать... Что же касается того, что правительство будто бы эксплуатирует чиновников, то это уже, как хотите, дерзость и большая дерзость! Правительство никого не эксплуатирует, а достойных чиновников награждает денежными пособиями и орденами... Да и, вообще, выражаться так о правительстве преступно! Понимаете – преступно!..

Лицо генерала вновь побагровело.

– Кроме того, откуда вы взяли, – начал он после паузы, – что отечество и правительство не одно и то же?.. А?..

– Да как же, ваше превосходительство! Отечество – это народ во всей совокупности, а правительство – только часть народа, так сказать, центральное его управление.

Начальник даже побледнел при этих словах.

– Как, правительство – часть народа?.. Что вы говорите... м... молокосос!.. – вскрикнул генерал, но тотчас же сообразил, что зашёл далеко, обращаясь так со своим очень отдалённым родственником.

– Нет-с!.. Я вижу, что вы – человек неисправимый, – говорил он уже более спокойно и прохаживаясь по кабинету. – Если вы при мне так выражаетесь, то... извините меня, мо-

лодой человек... я поговорю с вашей тётушкой и скажу ей, что вам у меня не место!.. Извольте идти-с!..

Генерал величественно, но решительно повёл рукою к двери, и Черномордик вышел.

Появившись в угловой комнате, он подошёл к столу, за которым занимался Брызгин и резким голосом выкрикнул:

– Так вы, господин Брызгин, кроме службы, ещё и доносами занимаетесь!.. Сыщик! Шпион! Подлец!..

Бросив в лицо Брызгина какую-то бумагу, Черномордик шумно вышел в коридор.

Всполошённые и перепуганные необычайным происшествием писцы усиленно закрипели перьями.

* * *

На другой день ночью Черномордик был арестован жандармами. Вместе с ним пострадали и ещё некоторые члены из кружка молодёжи.

Черномордика обвиняли в пропаганде среди рабочих и приказчиков. Но как главное обвинение выставили против него агитацию «среди лиц, состоящих на государственной службе».

В обвинительном акте по делу Черномордика значилось, что он привлекается за организацию среди чиновников «преступного союза в целях борьбы с начальством».

Месяца через четыре Черномордика судили, и хоть

и оправдали, но всё же выслали на три года в Вологодскую губернию.

Вскоре после скандала с Черномордиком, Брызгин, по совету самого генерала, стал держать чиновников в ежовых рукавицах: ни книг, ни газет читать не позволялось, да и излишние разговоры, помимо служебных, не допускались.

Сильнее, нежели на других, Черномордик произвёл впечатление на Ватрушкина, и он нередко, возвращаясь из палаты попутно с писцом Флюгиным, говорил:

– Вот был смелый человек!.. Я понимаю, это – личность!.. Да-с, личность, чёрт возьми!

– Да-с, – соглашался и Флюгин.

Так вся эта история с «крамолой» в палате и кончилась...

В угловой комнате по-прежнему писцы переписывали бумаги. Дымила печь, но теперь уже не составлялись сметы на её ремонт.

Задыхаясь от печного дыма, Ватрушкин мысленно вспоминал Черномордика и думал: «„Дым отечества!..“ „Дым отечества!..“ Как он ловко всегда выражался»...